

СЕРДЦЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ВЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА. ПО УЧЕНИЮ СЛОВА БОЖІЯ.

Кто читаетъ съ настоящимъ вниманіемъ слово Божіе, тотъ легко можетъ замѣтить, что во всѣхъ священныхъ книгахъ и у всѣхъ богоуловленныхъ писателей сердце человѣческое рассматривается, какъ средоточіе всей тѣлесной и духовной жизни человѣка, какъ существеннѣйшій органъ и ближайшее сѣдилище всѣхъ силъ, отправленій, движеній, желаній, чувствованій и мыслей человѣка со всѣми ихъ направленіями и оттѣнками. Прежде всего мы соберемъ нѣкоторыя мѣста изъ священного Писанія, изъ которыхъ будетъ видно, что это воззрѣніе священныхъ писателей на существо и значеніе человѣческаго сердца во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни отличается опредѣленностію, ясностію и всѣми признаками сознательного убѣжденія, а потомъ сопоставимъ это библейское учение съ воззрѣніями на этотъ предметъ, которыя господствуютъ въ современной намъ науцѣ.

Сердце есть хранитель и носитель всѣхъ тѣлесныхъ силъ человѣка. Такъ Давидъ выражаетъ истощаніе тѣлесныхъ силъ отъ тяжкихъ страданій словами: *сердце мое остави мя* (Пс. 39, 13); *сердце мое смятесь, остави мя сила моя* (37, 11). Утомленный странникъ укрѣп-

длеть сердце свое укрухомъ хлѣба (Суд. 19, 5), и вообще вино веселитъ сердце человѣка, и хлѣбъ сердце человѣка укрепитъ (Псал. 103, 15). Посему сердце изсыхаетъ, когда человѣкъ забываетъ *смысли хлѣба* свой (Псал. 101, 5). Невоздержные отгачаютъ сердца свои *обѣяднѣемъ и піянствомъ* (Лук. 21, 34), упиваются сердца свои, аки въ день заколенія (Иак. 5, 5). Милосердый Богъ исполняетъ пищею и веселіемъ сердца наша (Дѣян. 14, 17).

Сердце есть средоточіе душевной и духовной жизни человѣка. Такъ

Въ сердцѣ зачинается и рождается рѣшимость человѣка на такіе, или другіе поступки; въ немъ возникаютъ многообразныя преднамѣренія и желанія; оно есть сѣдалище воли и ея хотѣній. Эти дѣйствія преднамѣренія, хотѣнія и рѣшимости обозначаются выраженіями: *и вдахъ сердце мое* (Екк. 1, 13); *и положи Даніилъ на сердцы своемъ* (Дан. 1, 8); *и бысть на сердцы отцу моему Давиду* (З Цар. 8, 17). Тоже самое говорятъ выраженія: *благовolenіе сердца* (Рим. 10, 2), *изволеніе сердца* (2 Кор. 9, 7. Дѣян. 11, 23). Древній Израиль долженъ былъ приносить дары на построеніе скиніи, *всякъ по волѣ сердца своего* (Исх. 35, 5), *и принесоша кийжедо, яже возлюби сердце ихъ* (ст. 21). Кто высказывалъ свои желанія, тотъ говорилъ *вся, елика имъ на сердцѣ своемъ* (З Царст. 10, 2). Когда мы дѣлаемъ что нибуль охотно, то нашъ поступокъ происходитъ *отъ сердца* (Рим. 6, 17). Кого мы любимъ, тому отаемъ *наше сердце и обратно*, того имѣемъ въ нашемъ сердцѣ: *дааждь ми сыне твое сердце* (Притч. 23, 26); *въ сердцахъ*

нашихъ есте (2^йКор. 7, 3); за еже имъти ми въ сердцъ васъ (Филип. 1, 7).

Сердце есть съдалище всѣхъ познавательныхъ дѣйствій души. Размышеніе есть предложеніе сердца (Притч. 16, 1), усвѣтованіе сердца: и усвѣтова сердце мое во мнѣ (Неем. 5, 7). Уразумѣть сердцемъ значитъ понять (Втор. 8, 5); познать въсѣмъ сердцемъ — понять всецѣло (Иис. Нав. 23, 14). Кто не имѣеть сердца разумѣти, у того нѣтъ очесъ видѣти и ушесъ слышати (Втор. 29, 4). Когда сердце одебельваетъ, то человѣкъ теряетъ способность замѣтать и понимать самыя очевидныя явленія Божія промысла: тяжко слышитъ онъ ушина своиа и смѣжаетъ очи свои (Иса. 6, 10). Вообще всяктъ помышляетъ въ сердцъ своеемъ (Быт. 6, 5). Человѣкъ недобрый имѣеть сердце, кующее мысли злы (Прит. 6, 18). Лживые пророки прорицаютъ произволы сердца своего (Іер. 14, 14), видѣніе отъ сердца своего глаголютъ, а не отъ устъ Господнихъ (Іер. 23, 16). Мысли суть совѣты сердечныя (1 Кор. 4, 5). Слово Божіе судительно помышленіямъ и мыслемъ сердечнымъ (Евр. 4, 12). Что мы твердо помнимъ, напечатлѣваемъ въ душѣ и усвояемъ, то влагаемъ, полагаемъ, слагаемъ и записываемъ въ сердцъ своеемъ: вложите слова сія въ сердца ваша (Втор. 11, 18); положи мя яко печать на сердцы твоемъ (Пѣсн. 8, 6); Маріамъ соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы своеемъ (Лук. 2, 19); напиши я (словеса премудрости) на скрижали сердца твоего (Прит. 3, 3). Все, что приходитъ намъ на умъ или на память — всходить на сердце. Въ царствѣ славы подвижники, страдавшіе за правду и вѣру, не помянутъ прежніихъ,

ниже взыдуть на сердце ихъ (Иса. 65, 17); и на сердце человѣку не взыдоша, лже уготова Богъ любящимъ его (1 Кор. 2, 9).

Какъ слово есть явленіе или выраженіе мысли, то и оно износится изъ сердца (Пов. 8, 10); отъ избытка бо сердца уста глупомътъ (Матѳ. 12, 34). И какъ мышленіе есть разговоръ души съ собою, то размышляющій ведетъ этотъ внутренній разговоръ въ сердцѣ своемъ: глаголахъ азъ въ сердцѣ моемъ (Эккл. 1, 16); рекохъ азъ въ сердцѣ моемъ (Эккл. 2, 1); речетъ злый рабъ твой въ сердцы своемъ (Маѳ. 24, 48).

Сердце есть средоточіе многообразныхъ душевныхъ чувствованій, волненій и страстей. Сердцу усвояются всѣ степени радости, отъ благодушія (Иса. 65, 14) до восторга и ликованія предъ лицемъ Бога (Псал. 83, 3. Дѣян. 2, 46);—всѣ степени скорбей, отъ печальнаго настроенія,—когда припадшая страсть въ тѣлеси сердце оскорблаетъ и когда печаль мужу вредитъ сердце (Прит. 25, 20. 21),—до сокрушающаго горя, когда человѣкъ вопиетъ въ болезни сердца своего (Иса. 65, 14) и когда онъ чувствуетъ, что возмяется сердце его и отторжеся отъ тѣла своего (Іов. 37, 1);—всѣ степени вражды, отъ ревнованія и горькой зависти (Прит. 23, 17; Іаков. 3, 14) до ярости, въ которой человѣкъ скрежещетъ зубами своими (Дѣян. 7, 54) и отъ которой сердце его разгарается мѣстю (Втор. 19, 6);—всѣ степени недовольства, отъ беспокойства, когда сердце смущаетъ человѣка (Прит. 12, 25), до отчаянія, когда оно отрекается отъ всякихъ стремленій (Эккл. 2, 20);—наконецъ, всѣ виды страха отъ благоговѣйнаго трепета

(Іер. 32, 40) до подавляющего ужаса и смятения (Втор. 28, 28. Псал. 142, 4). Сердце истаевается и терзается отъ тоски (Іис. Нав. 5, 1. Іер. 4, 19); по различию страданій оно дѣлается яко воскъ таій (Псал. 21, 16), или изсыхаетъ (Іс. 101, 5), согрѣвается и разжигается (Псал. 38, 4. 72, 21) или дѣлается сокрушеннымъ и сотренымъ (Іер. 23, 9. Псал. 146, 3). Въ увыніи человѣкъ бываетъ *страшливъ и слабъ сердцемъ* (Втор. 20, 8). Отъ состраданія сердце превращается (Осія 11, 8). Благодатное слово Божіе дѣйствуетъ въ сердцѣ яко огнь горящъ (Іер. 20, 9); сердце воспламеняется и горить, когда къ нему прикасается лучъ божественнаго слова (Лук. 24, 32).

Наконецъ сердце есть средоточіе нравственной жизни человѣка. Въ сердцѣ соединяются всѣ нравственные состоянія человѣка, отъ высочайшей таинственной любви къ Богу, которая взываетъ: *Боже сердца моего и часть моя Боже во влькѣ* (Псал. 72, 26); до того высокомѣрія, которое, обожая себя, полагаетъ *сердце свое яко сердце Божіе* и говоритъ: *азъ есмь Богъ* (Іезек. 28, 2). По различию нравственныхъ недуговъ, сердце омрачается (Рим. 1, 21), одебельвается (Иса. 6, 10), дѣлается жесткимъ (Иса. 63, 17), каменнымъ (Іез. 11, 19), нечеловѣческимъ, звѣринымъ (Дан. 4, 13). Есть *сердце лукавое* (Іер. 16, 12), *сердце суетное* (Псал. 5, 10), *сердце неразумное* (Рим. 1, 21). Сердце есть исходное място всего добра и зла въ словахъ, мысляхъ и поступкахъ человѣка, есть доброе или злое сокровище человѣка: *благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое: и злый человѣкъ отъ злого сокровища*

сердца своею износитъ злое (Лук. 6, 45). Сердце есть скрижалъ, на которой написанъ естественный нравственный законъ; посему язычники *лавляютъ дѣло законъное написано въ сердцахъ своихъ* (Рим. 2, 15). На этой же скрижали пишется и законъ благодатный: *люди мои, взыываетъ Господь, имже законъ мой въ сердцѣ вашемъ* (Пс. 51, 7); *и на сердцахъ ихъ напишу я—* (законы благодати) (Иер. 31, 33). Посему слово Божіе посьвается на *новъ сердца* (Мате. 13, 19); совѣсть имѣть свое съдалище *въ сердцѣ* (Евр. 10, 22); Христосъ вселяется *върою въ сердца* наша (Ефес. 3, 17), также даруетъ *обрученіе Духа въ сердца* наша (2 Кор. 1, 22.). *И миръ Божій да подворяется въ сердцахъ вашихъ* (Кол. 3, 15); яко любы Божія изміняся *въ сердца наши Духомъ Святымъ* (Рим. 5, 5). Благодатный свѣтъ Богъ возсія *въ сердцахъ нашихъ* (2 Кор. 4, 6).—Но съ другой стороны грѣшнику діаволъ влагаетъ *въ сердце* злыя начинанія (Іоан. 13, 2), исполняетъ его сердце злыми помыслами (Дѣян. 5, 3). Къ невнимательнымъ слышателямъ слова Божія *абиє приходитъ сатана, и отъемлетъ слово спятое въ сердцахъ ихъ* (Марк. 4, 15).

Какъ средоточіе всей тѣлесной и многообразной духовной жизни человѣка, сердце называется исходищами живота или истоками жизни: *всяцьмъ храненiemъ блюди твоє сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Притч. 4, 23); оно есть *коло рожденія нашего* (Іак. 3, 6), то есть, кругъ или колесо, во вращеніи коего заключается вся наша жизнь. Посему оно составляетъ глубочайшую часть нашего существа: *глубоко сердце человѣку паче всіхъ, и кто познаетъ его* (Иер. 17, 9). Никогда виѣши-

вія обнаруженія слова, мысли и дѣлъ не исчерпываются этого источника; *помаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. 3, 4) открыть только для Бога: *Той бо вѣсть тайная сердца* (Псал. 43, 23). Состояніемъ сердца выражается все душевное состояніе (Псал. 50, 12, 83, 3). Человѣкъ долженъ отдать Богу одно свое сердце, чтобы сдѣлаться Ему вѣрнымъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ: *даждь ми сыне твое сердце*, взыываетъ къ человѣку Божія премудрость (Прит. 23, 25).

Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ на достоинство и значеніе сердца въ человѣческомъ существѣ, священныи писатели говорять въ переносномъ смыслѣ о *сердцѣ неба* (Втор. 4, 11), *сердцѣ земли* (Мате. 12, 40), *сердцѣ моря* (Лон. 2, 4). Такимъ же образомъ духовную перемѣну въ сердцѣ они обозначаютъ иногда въ переносномъ смыслѣ, какъ перемѣну тѣлесную. Такъ читаемъ въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ пророка Їезекіїя: *и исторгну каменное сердце отъ плоти ихъ и дамъ имъ сердце плотяно, яко да въ заповѣдехъ моихъ ходатъ и оправданія моя сохранятъ* (11, 19). Апостолъ Павелъ пишетъ къ коринѳянамъ: *посланіе наше есте вы, написанное въ сердцахъ нашихъ, знаемое и прочитаемое отъ всѣхъ человѣкъ: являеми яко есте посланіе Христово служженное нами, написано не черниломъ, но Духомъ Бога жива, не на скрижалъхъ каменныхъ, но на скрижалъхъ сердца плотяныхъ* (2 Кор. 3, 2, 3). Эти выраженія показываютъ совершенно определенно, что священныи писатели признаютъ средоточиемъ всей тѣлесной и органомъ всей духовной жизни человѣка то самое плотяное сердце, котораго біеніе

мы чувствуемъ въ нашей груди. Когда человѣкъ страждеть духовно, то это плотяное сердце отторгается отъ мѣста своего (Іов. 37, 1). Эти замѣчанія мы направляемъ противъ тѣхъ толкователей слова Божія, которые видѣть въ приведенныхъ нами текстахъ случаійный образъ словоизреченія, которымъ будто не управляла опредѣленная мысль и въ которомъ, поэтому, мы напрасно стали бы искать цѣлостнаго воззрѣнія священныхъ писателей на существо разсматриваемаго нами предмета. Простое чтеніе священныхъ текстовъ, если только мы не будемъ ихъ перетолковывать по предзанятымъ идеямъ, убѣждаетъ насъ непосредственно, что священные писатели опредѣленно и съ полнымъ сознаніемъ истины признавали сердце средоточiemъ всѣхъ явлений человѣческой тѣлесной и духовной жизни.

Возвышая такимъ образомъ значеніе сердца для человѣческой жизни, священные писатели знали при этомъ ясно и опредѣленно, что голова человѣка, которую наука признаетъ по преимуществу сѣдилищемъ души, имѣеть дѣйствительно близкую и тѣсную связь съ явленіями душевной жизни и служить важнѣйшимъ ихъ органомъ. Такъ, поелику человѣческое тѣло завершается головою и поелику, въ отношеніи къ цѣлямъ жизни и ихъ достижению, не тѣло носить голову, а голова тѣло, которымъ она управляетъ; то Іисусъ Христосъ называется *главою Церкви* какъ своего тѣла (Евр. 5, 23. Колос. 2, 19). Многочленное тѣло Церкви связуется и завершается въ единстве Главы, которая управляетъ имъ. Благословляющій возлагаетъ руки на главу благословляемаго (Быт. 48, 14; 49, 26), и благословеніе

Господне на главу праведнаго (Прит. 10, 6); также посвящающій возлагаетъ руки на главу посвящаемаго (Лев. 8, 10), Благословеніе и посвященіе, какъ елей помазанія (Псал. 132, 2. Лев. 8, 12), должны простираяться съ головы по всему человѣческому существу и проникать его во всѣхъ направлѣніяхъ Святый Духъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на главы апостоловъ и этимъ чудодѣйственнымъ рукоположеніемъ возродилъ и просвѣтилъ все духовное существо ихъ (Дѣян. 2, 3, 4). Подобнымъ же образомъ врачающій возлагаетъ свою руку на главу врачуемаго (Мате. 9, 18) Правительственное достоинство первосвященника въ Церкви знаменуется увѣщеніемъ его головы (Лев. 8, 9). Какъ царь есть глава общественнаго тѣла, то въ знаменіе этого возлагается на его главу вѣнецъ отъ камене честна (Псал. 20, 3).

Лице главы служитъ выраженіемъ и какъ бы живымъ зеркаломъ душевныхъ состояній человѣка, такъ что вообще отъ зрака познанъ будетъ мужъ и срѣтеніемъ лица познанъ будетъ умный (Сир. 19, 26). *Мудрость* человѣка просвѣтить лицо его, а безстудный возненавидѣнъ будетъ лицемъ своимъ (Эккл. 8, 1). Богообщеніе, котораго сподобился Моисей на Синаѣ, обнаружилось въ особенномъ просвѣтленіи лица его: прославился зракъ плоти лица его (Исх. 34, 29). Въ преображеніи преображенія нашего Господа просвѣтился лицо Его яко солнце (Мате. 17, 2). Радость и торжество ангела, ниспосланнаго ко гробу Господню, чтобы свидѣтельствовать людямъ о воскресеніи Спасителя, отразились въ его свѣтоносномъ лицѣ: бѣ же зракъ его яко

молія (Мате. 28, 3). Посему *лице Божє* означаетъ полное откровеніе Божії славы, къ принятію котораго человѣкъ не способенъ въ настоящей жизни: *невозможеши видѣти лица моего*, говорилъ Господь Моисею; *не бо узрите человѣкъ лицо мое и живъ будетъ* (Исх. 33, 20).

Итакъ священные писатели знали о высокомъ значеніи головы въ духовной жизни человѣка; тѣмъ не менѣе, повторяемъ, средоточіе этой жизни они видѣли въ сердцѣ. Голова была для нихъ какъ бы видимою вершиною той жизни, которая первоначально и непосредственно коренится въ сердцѣ. „Голова, говоритъ одинъ истолкователь священнаго писанія, есть для вибння явленія тоже, что сердце для внутренней лушевной дѣятельности, и только въ этомъ отношеніи ей приспѣвается господствующее значеніе съ библейской точки зрења“. Вирочемъ вышеприведенные мѣста священнаго Писанія даютъ совершенно-определенную мысль, что голова имѣеть значеніе органа посредствующаго между цѣлостнымъ существомъ души и тѣми вліяніями, какія она испытываетъ совѣтъ или свыше, и что при этомъ ей приличествуетъ достопочтѣ правительственное въ цѣлостной системѣ душевныхъ дѣйствій. Съ этими общими определеніями не можетъ не соглашаться психологія, каковы бы вирочемъ ни были ея особенныя понятія объ этомъ предметѣ. Но также можно напередъ предположить, что показанныя явленія душевной дѣятельности въ головѣ еще не исчерпываются всего существа души; по необходимости мышленія мы должны допустить некоторую первоначальную духовную

сущность, которая нуждается въ поименованномъ посредничествѣ и правительственномъ лѣйствіи головы. Эта первоначальная духовная сущность имѣеть, по учению слова Божія, своимъ ближайшимъ органомъ сердце. Въ посѣдующихъ изъясненіяхъ мы увидимъ опредѣленнѣе смыслъ и основы этихъ положеній, а теперь замѣтимъ, какъ слѣдствіе изъ предъидущаго, что, если Іисусъ Христосъ называется главою Церкви, то этимъ еще не вполнѣ и не всецѣло обозначается Его отношеніе къ Церкви. Онъ есть глава (Еф. 8, 23), и основаніе (1 Кор. 3, 11), *свѣтъ и животъ Церкви*. (Іоан. 1, 4). Онъ есть *Создатель Церкви* (Мате. 16, 18) и по сому такая необычайная Глава єя, изъ нея же все тѣло составы и соузы подаемо и снемлемо, раститъ возвращеніе Божіе (Кол. 2, 19). Эти замѣчанія показываютъ, какъ стройно и согласно бблейское учение о человѣческой душѣ не только само въ себѣ, но и во своихъ примѣненіяхъ къ изъясненію высшихъ догматовъ. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь опредѣленное психологическое возврѣніе, которое несогласно со многими положеніями современной памъ науки о душѣ. Считаемъ не безполезнымъ войти въ разсмотрѣніе тѣхъ основаній, по которымъ наука не соглашается съ бблейскимъ учениемъ о сердцѣ, какъ сѣдающѣ и средоточіи душевной жизни человѣка. Можетъ быть, при этомъ откроется, что бблейское возврѣніе не такъ безразлично для интересовъ нашего знанія, чтобы мы могли при изученіи души оставлять его безъ вниманія. Можетъ быть также, мы найдемъ внутреннее соотношеніе между этимъ возврѣніемъ и нашими нравственными

и религіозними требовавіями, которые въ такомъ случаѣ доставлять ему особенную значимость, если не въ тѣсныхъ границахъ наука, то въ области и ограниченныхъ стремлений человѣческаго духа къ совершенству, въ благу, къ Богу.

На основашіи несомнѣнныхъ физіологическихъ фактovъ, которые мы укажемъ ниже, психологія учитъ, что голова или головной мозгъ съ вдувшими къ нему вербами служить необходимымъ и непосредственнымъ тѣлеснымъ органомъ души для образованія представлений и мыслей изъ впечатлѣній виѣшняго міра, или что только этотъ органъ есть непосредственный проводникъ и коситель душевныхъ дѣйствій. Съ этимъ, безспорно, истиннымъ ученiemъ о тѣлесномъ органѣ душевыхъ явлений, долго было соединяено въ психологіи особенное воззрѣніе на существо человѣческой души, — воззрѣніе, которое, впрочемъ, могло имѣть до известной степени и самостоятельное, независимое развитіе. Когда первы, сосредоточенные въ головѣ, приходятъ въ движение отъ вліяній и впечатлѣній виѣшняго міра; то непосредственное и ближайшее слѣдствіе этого движения есть происхожденіе въ душѣ представлений, понятій или познаній о виѣшнемъ мірѣ. Отсюда легко было прійти къ предположенію, что существенная способность человѣческой души есть именно эта способность рождать или образовать представлениа о мірѣ по поводу движения нервовъ, возбужденныхъ виѣшнимъ предметомъ. То, что существуетъ въ нервахъ, какъ движение, открывается, является и существуетъ въ душѣ, какъ представление. Сообразно съ этимъ въ философіи

длѣго господствовалъ и доселъ еще отчасти господствуетъ взглядъ, что душа человѣческая есть первоначально существо представляющее, что мышленіе есть самая сущность души или что мышленіе составляетъ всего духовнаго человѣка. Воля и чувствованія сердца были понимаемы какъ явленія, вдоизмѣненія и случайныя состоянія мышленія. Въ правильномъ развитіи человѣческой духовной жизни, эти двѣ подчиненные способности души должны совпадать съ мышленіемъ, исчезать въ немъ и терять такимъ образомъ всякий видъ самобытности и существенности. — Въ этихъ опредѣленіяхъ существо души дѣлается также открытымъ и легко обозрѣваемымъ, какъ тѣ формы мышленія, которыя среди другихъ явленій душевной жизни отличаются особенною прозрачностью и ясностью. Съ этими опредѣленіями была бы совершенно несообразна мысль, что въ самой душѣ есть нечто за душевное, есть такая глубокая существенность, которая никогда не исчерпывается явленіями мышленія. Такъ на первый разъ мы можемъ видѣть здѣсь по меньшей мѣрѣ наклонность къ такому изъяснению явленій, въ которомъ не дается сущности большаго и значительнѣйшаго содержанія въ сравненіи съ ея явленіями, доступными нашему наблюденію; и кто, напротивъ, думаетъ, что въ человѣческой душѣ, какъ и во всякомъ созданіи Божіемъ, есть стороны, недоступныя для ограниченныхъ средствъ вашего знанія, тотъ напередъ уже можетъ видѣть многозначительность библейскаго ученія о глубокомъ сердцѣ, котораго тайны знасть только умъ божественный.

Междудѣйствіе, что рассматриваемое нами

психологическое учение не легко можетъ изъяснять возможность въ действительность свободной воли въ человѣкѣ, не легко также можетъ оно признать нравственное достоинство и значеніе человѣческаго поступка, который вытекаетъ изъ непосредственныхъ влечений и чувствованій сердца, а не опредѣляется отвлеченною мыслю о долгѣ и обязанностяхъ. Поэтому философія такъ часто отрицала въ человѣкѣ свободу, такъ часто утверждала, что въ человѣкѣ и человѣчествѣ царствуетъ такая же непреодолимая необходиомть, какъ въ логическихъ выводахъ мышленія, въ которыхъ заключеніе опредѣляется не свободно, а необходимо, по качеству и значенію посылокъ. Такимъ же образомъ, теплую и жизненную заповѣдь любви,—заповѣдь, которая такъ многозначительна для сердца,—философія замѣняла отвлеченнымъ и холоднымъ сознаніемъ долга,—сознаніемъ, которое предполагаетъ не воодушевлениѳ, не пламенное влечение сердца къ добру, а простое, безучастное пониманіе явлений. Наконецъ, поколику наши познанія о Богѣ человѣкообразны, эта философія привила съ необходимостю къ отвлеченному понятію о существѣ Божіемъ, опредѣляя все неисчерпаемое богатство жизни Божіей, какъ идею, какъ мышленіе, всегда неизмѣняющее, себѣ равное,—мышленіе, которое творить міръ безъ воли, безъ любви, по одной логической необходимости.

Эти одностороннія теоріи, на которыхъ мы здѣсь только слегка указываемъ, дѣлаются понятными изъ положенія, что сущность души есть мышленіе и вѣчно-

богъе: посему онъ служать для нась косвеннымъ опроверженiemъ самаго этого положенія, которое лежить въ ихъ основаніи. Мысленіе не исчерпываетъ всей полноты духовной человѣческой жизни такъ точно, какъ совершенство мышленія еще не обозначаетъ всѣхъ совершенствъ человѣческаго духа. Кто утверждаетъ, что „мышленіе есть весь человѣкъ“ и надѣется изъяснить все многообразіе душевныхъ явленій изъ мышленія, тотъ успѣетъ не больше того филолога, который стаъ бы изъяснять явленія слуха-звуки, тоны и слова, изъ явленій зрѣнія, каковы протяженіе, фигура, цветъ и т. д. Сообразно съ этамъ мы можемъ уже предположить, что дѣятельность человѣческаго духа имѣть своимъ непосредственнымъ органомъ въ тѣлѣ не одну голову или головной мозгъ съ первами къ нему идущими, но простирается гораздо дальше и глубже внутрь тѣлеснаго организма. Какъ существо души, такъ и ея связь съ тѣломъ должна быть гораздо богаче и многообразнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Эта—конечно общая и пока еще неопределенная мысль о *многостороннѣй*, а не односторонней связи души съ тѣломъ, содержится въ библейскомъ ученіи о сердцѣ, какъ непосредственномъ и ближайшемъ органѣ душевныхъ дѣятельностей и состояній. Тѣлеснымъ органомъ души можетъ быть не иное что, какъ человѣческое тѣло. Посему, какъ сердце соединяетъ въ себѣ всѣ силы этого тѣла, то оно же служить ближайшимъ органомъ жизни душевной. Тѣло есть цѣлесообразный органъ души не по одной своей части, но по всесѣдому своему составу и устроенію.

Мы сказали выше, что физиологические факты, которыми доказывается, что головной мозг есть место душевных действий, не подлежат сомнению. Одна из самых достоверных истин физиологии есть та, что сознательная деятельность души имеет свой непосредственный орган в головном мозге. Такъ послѣ продолжительного и изнуряющаго размышленія мы чувствуемъ въ головѣ тяжесть и боль, и на обратъ тяжесть и боль въ головѣ вызываютъ человѣка неспособнымъ къ мышленію. Сильный ударъ въ голову не рѣдко причиняетъ потерю памяти или одного какого либо ряда представлений. Когда зрительный нервъ разобщается съ головнымъ мозгомъ, то хотя бы глазъ и отражалъ въ своемъ зеркаль предметы, однакоже ощущеніе, видѣніе и представление этихъ предметовъ или сознаніе объ нихъ произойти не можетъ. Тоже должно сказать и о всѣхъ другихъ органахъ чувствъ, на основаніи точныхъ физиологическихъ опытовъ. Сколько бы эти органы ни были возбуждаемы вышними предметами, всѣ эти возбужденія не обращаются душою въ ощущенія и представления, если они не доходятъ до головнаго мозга. Однакоже изъ этихъ несомнѣнныхъ опытовъ физиологии слѣдуетъ очень немного для психологического ученія о пребываніи души въ тѣлѣ. Мы только можемъ сказать: дѣятельность или, точнѣе, движеніе головнаго мозга есть необходимое условіе для того, чтобы душа могла рождать ощущенія и представленія о мірѣ. Но, чтобы движеніе, сообщенное какому либо органу, стало душевнымъ ощущеніемъ и представленіемъ, оно должно распространяться

ниться до головного мозга. Если же отсюда заключаютъ далъе, что душа существомъ своимъ должна пребывать въ головномъ мозгѣ; то въ основѣ такого предположенія лежитъ постороннее наблюденіе, взятое изъ чувственнаго міра. Въ этомъ мірѣ, гдѣ два члена взаимодѣйствія, какіе только подлежатъ нашему наблюденію, равно чувственны, движение переходить отъ одного изъ нихъ на другой посредствомъ давленія или толчка; тѣло движущее должно произвести давленіе или толчокъ на пространственную сторону тѣла движимаго, которое по этому поводу развиваетъ въ себѣ такіе или другіе виды движения. Но это давленіе, этотъ толчекъ не возможны во взаимодѣйствіи между душою и тѣломъ, гдѣ одинъ членъ есть непространственное существо души. Душа не имѣть пространственной стороны, на которую она могла бы принимать толчки отъ пространственныхъ движений головного мозга. Поэтому, хотя дѣятельность головного мозга есть необходимое условіе для того, чтобы душа могла рождать ощущенія и представленія; однако мы не видимъ необходимости, по силѣ которой душа должна бы для этой цѣли пребывать въ головномъ мозгѣ, какъ своею мѣстѣ. Связь между движениемъ извѣстной части головного мозга и представлениемъ, которое по этому поводу образуетъ душа, есть не механическая связь давленій и толчковъ, которые безспорно предполагали бы пространственную совмѣстность связующихся членовъ, но связь цѣлесообразная, идеальная, духовная: душа испытываетъ впечатлѣнія не отъ пространственныхъ движений мозговой массы, а отъ цѣлесообразной ея дѣятельности, которая,

какъ очевидно, не требуетъ пространственной совмѣстности дѣйствующихъ другъ на друга членовъ.

Эти замѣчанія, которыхъ ближайшее изъясненіе повело бы насъ слишкомъ далеко, доказываютъ, что самые достовѣрные факты физіологии, которыми подтверждается тѣсная связь сознательной жизни души съ дѣятельностью головнаго мозга, не находятся въ необходимости противорѣчіи съ библейскимъ ученіемъ о сердцѣ, какъ подлинномъ средоточіи душевной жизни. Очень возможно, что душа какъ основа извѣстныхъ намъ сознательныхъ психическихъ явлений, имѣть своимъ ближайшимъ органомъ сердце, хотя ея сознательная жизнь обнаруживаетъ себя подъ условiemъ дѣятельности головнаго мозга.

На этомъ пункцѣ мы могли бы оставить специальную область физіологии и перейти непосредственно къ явленіямъ душевной жизни, которая каждый можетъ повѣрить собственнымъ внутреннимъ самовоззрѣніемъ. Однако же намъ кажется, что сама физіология представляетъ факты, посредствующіе между явленіями, которая извѣстны намъ изъ вицѣнаго опыта или изученія нашего тѣла, и явленіями, которая составляютъ содержаніе опыта внутренняго. Въ настоящее время физіология знаетъ, что сердце не есть простой мускуль, не есть нечувствительный механизмъ, который только завѣдываетъ движеніемъ крови въ тѣлѣ посредствомъ механическаго на нее давленія. Въ сердцѣ соединяются оба замѣчательнѣйшіе порядка первовъ, такъ называемые первы *симпатические* — которые, завѣдываютъ всѣми растительными отправленіями человѣческаго орга-

низма, химическимъ претвореніемъ матеріаловъ, питаніемъ и обновленіемъ тѣла, образованіемъ его составныхъ частей, наконецъ цѣлесообразнымъ согласіемъ между величиною и формою его отдельныхъ дѣйствій", и нервы, служаще необходимыми органами ощущенія или представленія и воли. Хотя физіологи сознаются, что ихъ изслѣдованія о составѣ, строеніи и отправленіяхъ сердца далеко еще не приведены къ концу, однако изъ прелѣпнаго дѣлается вѣроятнымъ, что въ сердцѣ, которое есть колодезь крови, обѣ нервныя системы, — это *подлинное тѣло* существъ, имѣющихъ душу—сходятся и сопроникаются въ такомъ единстве и взаимодѣйствіи, какого, можетъ быть, не представляется никакой другой органъ человѣческаго тѣла. Кто не надѣется изъяснить всѣ явленія человѣческой тѣлесной жизни изъ слѣпаго и мертваго механизма, для того, по крайней мѣрѣ, будетъ теперь понятно, какимъ образомъ въ библейскомъ возврѣніи сердце разсматривается, какъ исходище или средоточіе всѣхъ силъ человѣческаго тѣла. Не можемъ ли мы сказать, не противорѣча фактамъ физіологии, что въ сердцѣ всѣ значительнѣйшія системы человѣческаго организма имѣютъ своего представителя, который съ этого средоточія заботится обѣ ихъ сохраненіи и жизни? Но по меньшей мѣрѣ отсюда дѣлается яснымъ, почему *общее чувство души* или чувство, которое мы имѣемъ о нашемъ собственномъ духовно-тѣлесномъ бытіи, даетъ замѣчать себя въ сердцѣ, такъ что самыя непримѣтныя перемѣны въ этомъ чувствѣ сопровождаются перемѣнами въ биеніяхъ сердца. А это общее чувство

души, какъ намъ кажется, есть одно изъ самыхъ важныхъ явлений для изъясненія бблейскаго ученія о сердцѣ, какъ средоточіи душевной жизни. Состояніе и настроенія души далеко еще не опредѣляются во всей своей полнотѣ дѣятельностью тѣхъ пяти органовъ чувствъ, которые проводятъ полученное ими со вѣтвей впечатлѣніе до головнаго мозга. Если нашему тѣлу не достаетъ надлежащихъ матеріаловъ для питанія, или если какія либо части его выведены изъ нормального своего положенія и отношенія къ другимъ частямъ; то эти механическія измѣненія въ тѣлѣ ощущаются душою какъ голодъ и болѣзнь. Эти ощущенія, какъ и всѣ тѣ состоянія и настроенія души, которымъ условливается такъ называемое душерасположеніе, имѣютъ свою основу въ общемъ чувствѣ, для котораго „всѣ тѣло, каждая часть его должна служить въ большей или меньшей степени органомъ“. Въ этомъ общемъ чувствѣ „содержатся первоначально, еще прежде всякихъ виѣшняго воззрѣнія, нераздѣльными, всѣ прочія видоизмѣненія чувствъ; посему его рассматриваютъ, какъ корень всѣхъ прочихъ чувствъ“. Между тѣмъ настроеніемъ и расположженіемъ души, опредѣляемымъ ея общимъ чувствомъ, служатъ послѣднею глубочайшую основою нашихъ мыслей, желаній и дѣлъ: „какъ не поддающіяся опредѣленію, едва сознаваемыя верхнія посыпки, онѣ лежать въ основѣ всѣхъ нашихъ взглядовъ въ жизни, какъ и всѣхъ предвамѣреній и поступковъ“. Эти самыя истины открываетъ намъ бблейское ученіе о сердцѣ, какъ мѣстѣ рожденія мыслей, желаній, словъ и дѣлъ человѣка. Въ то время, какъ физіология указываетъ въ

головномъ мозгѣ физическія условія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность души, священныи писатели указываютъ намъ непосредственный, нравственно-духовный источникъ этой дѣятельности въ цѣлостномъ и нераздѣльномъ настроеніи и расположениіи душевнаго существа. Наши мысли, слова и дѣла суть первоначально не образы виѣшнихъ вещей, а образы или выраженія общаго чувства души, порожденія нашего сердечнаго настроенія. Конечно, въ обыденной жизни, наполненіемъ заботами о текущей дѣйствительности, мы слишкомъ мало обращаемъ вниманіе на эту задушевную сторону въ нашихъ мысляхъ и поступкахъ. Тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что все, входящее въ душу со вѣтъ, при посредствѣ органовъ чувствъ и головнаго мозга, перерабатывается, измѣняется и получаетъ свое послѣднее и постоянное качество по особенному, частно-опредѣленному сердечному настроению души, и наоборотъ, никакія дѣйствія и возбужденія, идущія отъ виѣшнаго міра, не могутъ вызвать въ душѣ представлений или чувствованій, если послѣднія несовмѣстны съ сердечнымъ настроениемъ человѣка. Въ сердцѣ человѣка лежитъ основа того, что его представлія, чувствования и поступки получаютъ особенность, въ которой выражается его душа, а не другая, или получаютъ такое личное, частно-опредѣленное направленіе, по силѣ котораго онѣ суть выраженія не общаго духовнаго существа, а отдельнаго живаго дѣйствительно существующаго человѣка.

Во внутреннемъ опыте мы вовсе не замѣчаемъ, какъ измѣняется головной мозгъ отъ измѣненія нашихъ

мыслей, желаній и чувствованій; на основанії непосредственного самовоззрѣнія мы даже не знали бы, что онъ есть органъ сознающей и мыслящей души. Если это отношеніе между мышленіемъ и его органомъ имѣть разумныя основанія въ назначеніи мышленія, которое само-по-себѣ должно быть спокойнымъ и безучастнымъ сознаніемъ окружающей насъ дѣйствительности; то отсюда однакоже слѣдуетъ, что какъ въ мышленіи, такъ и въ его тѣлесномъ органѣ душа не являеть себя во всей недѣлимости и полнотѣ своего богатаго существа. Если бы человѣкъ обнаруживалъ себя однимъ мышленіемъ, которое въ такомъ случаѣ было бы, по всей вѣроятности, самымъ подлиннымъ образомъ внѣшникъ предметовъ; то многообразный, богатый жизнью и красотою міръ открывался бы его сознанію, какъ правильная, но вмѣстѣ и безжизненная математическая величина. Онъ могъ бы прозрѣвать въ эту величину на сквозь и всецѣло, но за то уже нигдѣ не встрѣтилъ бы бытія истиннаго, живаго, которое поражало бы его красотою формъ, таинственностью влеченій и бесконечною полнотою содержанія. Намъ кажется, что въ дѣйствительной душѣ нѣтъ такого односторонняго мышленія. И что было бы съ человѣкомъ, если бы его мысль не имѣла другаго назначенія, кромѣ того, чтобы повторять въ своихъ движеніяхъ события дѣйствительности или отражать въ себѣ постороннія для духа явленія? Можетъ статься, что въ этомъ случаѣ наши мысли отличались бы такою же опредѣленностію, какъ математическія величины: но за то мы могли бы въ нашемъ знаніи вещей двигаться только въ широту, а не глубину:

Міръ, какъ система явлений жизненныхъ, полныхъ красоты и знаменательности, существуетъ и открывается первѣе всего для глубокаго сердца в отсюда уже для понимающаго мышленія. Задачи, которыя решаетъ мышленіе, происходятъ въ своемъ послѣднемъ основаніи не изъ вліяній виѣшняго міра, а изъ влеченій и ветразимыхъ требованій сердца. Кто знаетъ, какъ мало даетъ намъ для знанія чувственныій міръ, какъ бѣдно и безодержательно то ощущеніе, которое происходитъ отъ встрѣчи сознанія съ виѣшними предметами, толь пойметъ все значеніе библейскаго ученія, по коему основа, жизненность и глубина нашего мышленія и сознанія лежитъ въ томъ душевномъ существѣ, котораго явленіе мы знаемъ непосредственнымъ внутреннимъ опытомъ только въ нашихъ сердечныхъ влеченіяхъ, то есть, въ тѣхъ влеченіяхъ, къ коимъ такъ чувствительно и такъ воспріимчиво наше сердце. Сообразно съ этимъ лучшіе философы и великие поэты сознавали, что сердце ихъ было истиннымъ мѣстомъ рожденія тѣхъ глубокихъ идей, которыя она передали человѣчеству въ своихъ твореніяхъ, а сознаніе, котораго дѣятельность соединена съ отправленіями органовъ чувствъ и головнаго мозга, давало этимъ идеямъ только ясность и опредѣленность, свойственные мышленію.

По причинамъ, которыя изъяснять здѣсь было бы неумѣстно, мы привыкаемъ разматривать душу, какъ машину, которая заводится и настраивается въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣми толчками и впечатлѣніями, какія падаютъ на нее со стороны виѣшняго міра. Мы хотѣли бы опредѣлить необозримое для нашего взора

существо души, которая назначена къ развитию не только во времени, но и въ вѣчности, единственно по тѣмъ ея состояніямъ, какія вызываются въ ней впечатлѣніями внѣшнаго міра. Съ этой точки зрења одиѣ психологъ высказалъ надежду, что при дальнѣйшемъ развитіи нашихъ познаній о душѣ мы будемъ въ состояніи опредѣлять ея движенія и измѣненія съ такою же математическою точностью, съ какою нынѣ опредѣляемъ движенія паровой машины, такъ-что управление состояніями и движеніями души сдѣлается для насъ стольже легкимъ и вѣрно разсчитаннымъ, какъ управление паровой машиной. Мы думаемъ однако же, что эта надежда на всегда останется несбыточною мечтою, что въ человѣческой душѣ всегда останется рядъ состояній и движений, къ которымъ никогда не можетъ быть примененъ физической законъ равенства между дѣйствиемъ и противодѣйствиемъ. Въ библейскомъ воззрѣніи на значеніе человѣческаго сердца для духовной жизни человѣка высказывается съ глубокою истинностію эта исключительная особенность человѣческой души въ прямой противоположности съ тѣмъ механическимъ воззрѣніемъ, которое не даетъ никакого значенія этой особенности. Уже въ простомъ представлѣніи, какое только образуется нашимъ мышленіемъ на основаніи впечатлѣній, идущихъ со вѣй, мы должны различать двѣ стороны: 1) знаніе внѣшнихъ предметовъ, которое заключается въ этомъ представлѣніи и 2) то душевное состояніе, которое, условливается этимъ представлѣніемъ и знаніемъ. Эта послѣдняя сторона представлѣнія не подлежитъ никакому математическому расчету; она вы-

ражаетъ непосредственно и своеобразно качество и достоинство нашего душевного настроения. Въ одностороннемъ стремлениі къ знанію мы часто забываемъ, что всякое понятіе входитъ въ нашу душу, какъ ея внутреннее состояніе и оцѣниваемъ наши понятія только потому, въ какой мѣрѣ они служатъ для насть образами вещей. Между тѣмъ эта сторона въ понятіи, которою опредѣляется состояніе и настроеніе души, имѣетъ для цѣлостной жизни духа больше цѣны, чѣмъ представление, поколику ово есть образъ вещи. Если съ теоретической точки зрѣнія можно сказать, что все достойное быть, достойно и нашего знанія; то въ интересахъ высшаго нравственно-духовнаго образованія совершенно справедливо было бы положеніе, что мы должны знать только то, что достойно нашего нравственнаго въ богоподобнаго существа Древо познанія не есть Древо жизни, а для духа его жизни представляется чѣмъ-то болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ его знаніе. Но эта особенная, своеобразная, не поддающаяся математическимъ определеніямъ жизнь духа имѣетъ самое близкое отношеніе къ сердцу человѣка: *всѧцьмъ храненiemъ блюди твое сердце; отъ сихъ бо исходища живота* (Прит. 4, 23). Здѣсь отражаются прямѣтнымъ образомъ тѣ тонкія и неуловимыя движения и состоянія нашей души, о коихъ мы не можемъ образовать никакого яснаго представленія. Намъ никогда не удается перевести въ отчетливое знаніе того движенія радости и скорби, страха и надежды, тѣ ощущенія добра и любви, которые такъ непосредственно измѣняютъ біенія нашего сердца. Когда мы наслаждаемся созерцаніемъ красоты въ природѣ или

искусствъ, когда насть трогаютъ задушевные звуки музыки, когда мы удивляемся величію подвига; то вѣс эти состоянія большаго или меньшаго воодушевленія мгновенно отражаются въ нашемъ сердцѣ и притомъ съ такою самобытностію и независимостію отъ нашего обычнаго потока душевныхъ состояній, что человѣческое искусство, можетъ быть, вѣчно будетъ повторять справедливыя жалобы на недостаточность средствъ для выраженія и изображенія этихъ сердечныхъ состояній.

Здѣсь приходитъ намъ на мысль евангельское повѣствованіе о двухъ ученикахъ Христовыхъ, которые шли въ день Господня воскресенія въ Эммаусь и боролись съ недоумѣніями и сомнѣніями касательно вѣсти о воскресеніи Спасителя (Лук. 24, 13—32). На пути самъ Господь предсталъ путникамъ: очи же *ею держася*, да *Его не познаета* (ст. 16). Господь, такимъ образомъ неузнавный, раскрываетъ ученикамъ тайну своего воскресенія, и Его бесѣда не даетъ однако же познать имъ, кто бесѣдуетъ съ ними. Только послѣ таинственного преломленія хлѣба *онъ ма отверзостися очи, и познаста Его* (ст. 31). Тѣперь ученики съ удивленіемъ признаются другъ другу: *не сердце ли наше горя бѣ въ настѣ, егда глаголаше нама на пути и егда сказование нама писалія?* (ст. 32). Въ разматриваемомъ случаѣ сердце предварило разумъ въ познаніи истины. Ученики имѣли уже прежде мысли *сердечныя*, которые однако не скоро и не легко были сознаны ихъ разумомъ. Подобныя состоянія переживаетъ и всякий человѣкъ, особенно въ минуты великихъ затрудненій, когда нѣть времена дождаться яснаго силогизма и когда необ-

ходимо предоставить себя непосредственному влечению сердца, какъ иѣкоторому нравственно-духовному такту. Христіанскіе аскеты часто жаловались на медлительность разума въ признаніи того, что непосредственно и прямо извѣстно сердцу, и нерѣдко называли умъ человѣческій чувственнымъ и плотскимъ; а конечно, онъ можетъ показаться таковymъ. если сравнить его посредственную дѣятельность съ тѣми непосредственными и внезапно-возникающими откровеніями истины, которые имѣютъ мѣсто въ нашемъ сердцѣ. Этимъ впрочемъ не отрицается, что медлительное движение разума, какъ медленная походка, отличается опредѣленностью, правильностью и разчитанностью, какихъ не достаетъ слишкомъ энергическимъ движеніямъ сердца. Какъ жизнь безъ порядка, такъ и порядокъ безъ жизни равно несообразны съ назначениемъ человѣческаго духа. Тѣмъ не менѣе, если свѣтъ знанія долженъ сдѣлаться теплотою и жизнью духа, онъ долженъ проникнуть до сердца, где бы онъ могъ войти въ цѣлостное настроеніе души. Такъ если истина надаетъ намъ на сердце, то она становится нашимъ благомъ, нашимъ внутреннимъ сокровищемъ. Только за это сокровище, а не за отвлеченнную мысль, человѣкъ можетъ вступать въ борьбу съ обстоятельствами и людьми; только для сердца возможенъ подвигъ и самоотверженіе.

Изъ этихъ замѣчаній мы извлекаемъ два положенія:
 1) сердце можетъ выражать, обнаруживать и понимать совершенно своеобразно такія душевныя состоянія, которыя по своей иѣжности, преимущественной духовности и жизненности не поддаются отвлеченному знанію

разума; 2) понятие и отчетливое знаніе разума, по-
колику оно дѣлается нашимъ душевнымъ состояніемъ,
а не остается отвлеченнымъ образомъ внѣшнихъ пред-
метовъ, открывается или даетъ себѣ чувствовать и
замѣтить не въ головѣ, а въ сердцѣ: въ эту глубину
оно должно проникнуть, чтобы стать дѣятельною силою
и двигателемъ нашей духовной жизни.

Въ живой оцѣнкѣ людей и ихъ достоинствъ мы
не ограничиваемся указаніемъ на ихъ знанія и понятія.
Истина, поколику она существуетъ только въ отвлечен-
ной мысли человѣка, не относится нами при этой
оценкѣ прямо и непосредственно къ его духовному
существу. Намъ хотѣлось бы скорѣе всего знать, вол-
нуетъ ли эта истинна его сердце, каковы его духовныя
влеченія и стремленія, чѣмъ вызываются его симпатіи,
что его радуетъ и печалитъ и вообще въ чёмъ со-
стоитъ сокровище его сердца (Лук. 6, 45). Когда мы
говоримъ о притворствѣ и лицемѣріи человѣка; то при
этомъ ясно выражаемъ, что его мысли и слова не
принадлежать къ его существу, что на сердцѣ лежить
у него нечто совершенно другое, чѣмъ въ мысляхъ
и словахъ, или что кромѣ этихъ обнаруживаемыхъ
имъ мыслей есть у него еще мысли задушевныя или
сердечныя. Мы различаемъ здѣсь личность человѣка
поддѣльную, которая выступаетъ передъ нами, и лич-
ность дѣятельную, которая съ своимъ разнообраз-
нымъ содержаніемъ скрыта въ сердцѣ человѣка. Яв-
леніе *двоедушія* показываетъ, какое огромное можетъ
быть разстояніе между дѣятельностью душевною въ
представленіяхъ и понятіяхъ и тѣми собственными

состоявіями души, которые отзываются въ движеніяхъ сердца. Поэтому въ случаѣхъ, имѣющихъ для насъ особенную важность, мы просимъ человѣка сказать свое мнѣніе отъ сердца. Жизненныя отношенія, въ которыхъ преобѣждается формальность и внѣшность человѣческихъ союзовъ, суть отношенія сердечныя: таковы отношенія дружбы, братства, любви и под. Въ этихъ отношеніяхъ проявляетъ себя и живетъ весь человѣкъ, безъ притворства и стѣсненія, во всей широтѣ и полнотѣ своихъ разнообразныхъ духовныхъ состояній.

Мы должны коснуться здѣсь двухъ теорій, которая особенно мѣшаютъ правильному пониманію библейскаго ученія о сердцѣ, какъ средоточіи душевныхъ дѣятельностей человѣка.

Съ нѣкотораго времена философія распространяетъ ученіе о *самозаконіи* (автономії) человѣческаго разума, или ученіе, что этотъ разумъ самъ по себѣ, изъ собственныхъ силъ и средствъ, даетъ или помогаетъ законы для всей душевной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія было бы необходимо согласиться, что все достоинство человѣка или весь духовный человѣкъ заключается въ мышленіи. Конечно, апостолъ Павелъ говорить о язычникахъ: *сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (Рим. 2; 14). Но въ этихъ словахъ не заключается понятіе о самозаконіи человѣческаго разума. Язычники суть сами себѣ законъ, потому что *разумное Божіе явь есть въ нихъ* (Рим. 1, 19). *Невидимая бо Его (Божія) отъ создания міра твореными помышлема видима суть, и присносущна сила Его и Божество* (ст. 20). Итакъ начало и источникъ того

закона, которымъ руководствовались язычники, лежить, по Апостолу, въ откровеніяхъ о невидимомъ Богѣ, подаваемыхъ человѣку чрезъ видимое твореніе Божіе: размыслия о твореніяхъ Божіихъ (*твореньми помышленіемъ*), умъ человѣческій познаетъ въ нихъ Божію волю и Божественный законъ. Законъ для душевныхъ дѣятельностей не полагается силою ума, какъ его изобрѣтеніе, а предложить человѣку, какъ готовый, неизмѣняемый, Богомъ учрежденный порядокъ нравственно-духовной жизни человѣка и человѣчества, и притомъ предложить онъ, по Апостолу, въ сердцѣ, какъ глубочайшей сторонѣ человѣческаго духа: язычники *являютъ доно закопное написано въ сердцахъ своихъ* (Рим. 2, 15). Богъ есть Творецъ какъ человѣческой души, такъ и ея законовъ. *Что имаши, егоже ныси пріялъ; аще же и пріялъ еси, что хвалишися яко не пріемъ?* (1 Кор. 4, 7). Самозаконіе несвойственно человѣческому разуму ни въ какомъ смыслѣ. Между явленіями и дѣйствіями души разумъ имѣть значеніе свѣта, которымъ озаряется не имъ положенная, по Богомъ созданная жизнь человѣческаго духа съ ея, Богомъ данными, законами. Душа существуетъ не только какъ этой свѣтъ, но также, какъ освѣщаемое имъ существо съ многоразличными духовными способностями, для которыхъ законы положены творческою волею Бога. Жизнь духовная зараждается прежде и раньше этого свѣта разума, — во мракѣ и темнотѣ, то есть, въ глубинахъ, недоступныхъ для нашего ограниченного взора. Если изъ основъ этой жизни возникаетъ свѣтъ званія и разумѣнія, какъ послѣдующее ея явленіе; то этимъ виолѣй оправ-

дывается библейское воззрѣніе на значеніе человѣческаго ума, который есть вершина, а не корень духовной жизни человѣка.

Но кромѣ этого неосновательного ученія о самозаконіи ума, не рѣдко встрѣчается въ психологіи неопределѣнное ученіе о существѣ человѣческой души. Очень часто ограничивается психологія въ этомъ ученіи указаніемъ только въ общія и родовыя свойства души, то есть, на тѣ душевныя явленія, которыя общіи человѣческой душѣ со всякою другою душою. Человѣческую душу опредѣляетъ она въ этомъ случаѣ, какъ существо ощущающее, представляющее, чувствующее и желающее, и превосходство этихъ явленій въ человѣкѣ сравнительно съ соответствующими явленіями въ другихъ чувственно-наблюдаемыхъ существахъ ста-рается изъяснять изъ многихъ причинъ, которыя, во всякомъ случаѣ, не лежатъ въ первоначальномъ существѣ человѣческой души и только видоизмѣняютъ ея общій родовой характеръ. Между тѣмъ нужно предсталять дѣло совершенно на оборотъ: человѣческая душа имѣть первоначальное и особенное содержаніе, которое обнаруживается или является, безспорно, въ общихъ и родовыхъ формахъ душевной жизни, каковы: представлѣніе, чувствованіе, желаніе и т. д. Только изъ этого предположенія можно изъяснить, почему эти родовыя формы принимаютъ въ человѣкѣ особенный и совершившійся характеръ, почему въ этихъ родовыхъ формахъ открывается нравственная личность человѣка, для выраженія которой тщетно мы искали бы въ душѣ

человѣка опредѣленаго, дѣйствующаго по общимъ законамъ, механизма, почему ваконецъ въ этихъ конечныхъ родовыхъ формахъ носится чувство и сознаніе безконечнаго, для котораго опять неѣтъ опредѣленаго и частнаго носителя или представителя въ явленіяхъ душевной жизни. Но мы должны сдѣлать еще шагъ далѣе и положить, что каждая частная человѣческая душа имѣетъ свои особенности и обладаетъ своеобразнымъ развитіемъ, которое выражается въ свою очередь въ общихъ и родовыхъ формахъ человѣческой душевной жизни. Въ исторіи творенія міра повѣстуется, что Богъ сотворилъ безсловесныя одушевленныя существа *по роду ихъ* (Быт. 1, 25), а человѣка по его частной ведѣлиной природѣ, какъ единичную и особенную личность (ст. 26 и дал.). Этотъ образъ творенія совершенно соответствуетъ назначенію человѣка, который, какъ существо бессмертное, не исчезаетъ въ родѣ, а обладаетъ собственнымъ личнымъ существованіемъ во времени и въ вѣчности. Поэтому человѣкъ никогда не можетъ быть страдательнымъ выражениемъ или органомъ общей родовой жизни души. Наши слова, мысли и дѣла рождаются не изъ общей родовой сущности человѣческой души, а изъ *нашой* частно-развитой, своеобразно-обособленной душевной жизни: только по этой причинѣ онѣ составляютъ *нашу* личную вину, или *нашу* личную заслугу, которой мы ни съ кѣмъ не раздѣляемъ. Въ то время, какъ наука указываетъ общія и родовые условія для явленій душевной жизни вообще, священные писатели имѣютъ въ виду тотъ частный и особенный источникъ этихъ явленій въ сердцѣ человѣка, ис-

ходя изъ котораго они, при своей общности, дѣлаются нашимъ личнымъ состояніемъ и достояніемъ.

Предъидущія изъясненія, кажется, даютъ понять намъ, что различіе между психологическимъ и библейскимъ воззрѣніемъ на существо человѣческой души сводится къ общему и простому различію между изъясненіемъ явлений изъ началь физическихъ и началь нравственныхъ. При изслѣдованіи явлений душевной жизни наука, сообразно съ своею общею методою, спрашиваетъ: по какимъ общимъ условіямъ и законамъ совершаются эти явленія? И какъ только найдены требуемыя общія условія и законы душевныхъ явлений, наука о душѣ можетъ также легко разсчитывать и опредѣлять ихъ будущее возникновеніе и образованіе, какъ астрономія разсчитываетъ и опредѣляетъ будущія движенія и положенія свѣтиль небесныхъ. Но эта плодотворная метода науки, какъ очевидно, имѣеть примѣненіе только ко вторичнымъ и производнымъ явленіямъ душевной жизни. Всякая простая основа явленій, въ которой еще не выступили опредѣленные направленія и формы, въ которой еще не выдались иѣкоторые пункты, недоступна анализу науки; потому что этотъ анализъ всегда предполагаетъ сложность и многоразличіе явлеziя, онъ нуждается въ опорныхъ пунктахъ изъясненія, которыхъ не достаетъ во всякой простой основе явленій. Если это справедливо вообще, то тѣмъ болѣе нужно согласиться, что въ человѣческой душѣ есть нечто первоначальное и простое, есть потаенный сердца человѣка, есть глубина сердца, котораго будущія движенія не могутъ быть разсчитаны по общимъ

и необходимымъ условіямъ и законамъ душевной жизни. Для этой особеннѣйшей стороны человѣческаго духа наука не можетъ найти общихъ и навсегда опредѣленныхъ формъ, которыя бы были привязаны къ той или другой варѣ первовъ и возникали бы съ необходимостию по поводу ихъ движенія.

Когда мистицизмъ пытался указать формы, которыя вполнѣ соотвѣтствовали бы духовному содержанію человѣческаго сердца; то онъ могъ только отрицать всѣ доступныя для насть формы и выраженія какъ конечнаго міра, такъ и конечнаго духа. Ему казалось, что не только визшія душевныя способности не соотвѣтствуютъ полнотѣ и достоинству сердечной жизни, но и самый разумъ, поколику онъ мыслить въ частныхъ формахъ, поколику онъ рождаетъ одну мысль за другою во времени, есть слабое, не точное и слѣдовательно ложное выраженіе этой жизни. Въ такихъ предположеніяхъ мистикъ могъ только погружаться въ темное чувство единства и безконачности—въ ту глубину сердца, гдѣ наконецъ погасаетъ всякий светъ сознанія. Это болѣзньенное явленіе мистицизма,—который хочетъ миновать всѣ конечныя условія нашего духовнаго развитія, который хочетъ стать у послѣдней цѣли сразу и непосредственно, не достигая ее многотруднымъ и постепеннымъ совершенствованіемъ во времени,—есть, во всякомъ случаѣ, замѣчательный фактъ для изъясненія душевной жизни человѣка. Въ его основаніи лежитъ истинное убѣжденіе, что полнота духовной жизни, которую мы ощущаемъ въ сердцѣ, не исчерпывается тѣми душевными формами, которыя образуются подъ условіями

этого конечного міра, или что наше развитие не можетъ быть замкнуто тѣми опредѣленными явленіями духа; которые возникаютъ подъ временными условіями. Вместо того, чтобы вѣровать и надѣяться и сообразно съ этимъ подвизаться во временномъ мірѣ, мистикъ относится враждебно и отрицательно къ настоящему, Богомъ установленному порядку нашего временнаго воспитанія. Но мы думаемъ, что противоположную крайность образуетъ то психологическое воззрѣніе, которое надѣется перечислить и опредѣлить всѣ явленія душевной жизни, какъ конечныя и разъ-на-всегда опредѣленныя ея формы, такъ что ни въ нихъ, ни подъ ними нельзя уже найти жизни своеобразной, простой, непосредственной, которая бы проторгалаась неожиданно и неразсчитанно. Намъ кажется, что такое воззрѣніе, которое хотѣло бы каждую частную дѣятельность души привязать къ частному нерву, какъ ея условію, можетъ дать вамъ образъ духа, какъ существа назначенаго только для временной и конечной жизни. Если это воззрѣніе вообще не можетъ указать въ душѣ человѣка глубочайшихъ основъ ея личности и зачатковъ ея будущей жизни; то съ другой стороны для него остаются и на всегда останутся неразгаданными многія душевныя явленія, о которыхъ свидѣтельствуетъ опытъ, таковы на примѣръ: знаменательное значеніе сновъ, явленія предчувствія, состоянія ясновидѣнія, въ особенности различные таинственные формы религіознаго сознанія въ человѣкѣ и человѣчествѣ. Истину между показанными крайностями мистицизма и эмпирізма мы имѣемъ въ библейскомъ учениі о сердцѣ, какъ средо-

точія душевной жизни человѣка. Сердце рождастъ всѣ тѣ формы душевной жизни, которая подлежать общимъ условіямъ и законамъ; итакъ оно не можетъ относиться къ нимъ отрицательно, не можетъ своими непосредственными порывами расторгать ихъ. Однако же сердце не переносить разъ-на-всегда всего своего духовнаго содержанія въ эти душевые формы; въ его глубинѣ, недоступной анализу, всегда остается источникъ новой жизни, новыхъ движений и стремлений, которые переходятъ за предѣлы конечныхъ формъ души и дѣлаютъ ее способною для вѣчности. Поэтому и во временныхъ, но особыхъ условіяхъ, всегда остается возможность для такихъ необычайныхъ явлій въ области душевной жизни, которые выступаютъ за предѣлы обычного образа дѣйствованія.

Практическія примѣненія, которыя можно сдѣлать изъ предыдущихъ замѣчаній, даются такъ непосредственно, что мы можемъ ограничиться въ этомъ случаѣ краткими указаніями.

1. Если сердце есть такое средоточіе духовной жизни человѣка, изъ которого возникаютъ стремленія, желанія и помыслы непосредственно, или тою стороною, которая не вытекаетъ съ математическимъ равенствомъ изъ вышешихъ дѣйствующихъ причинъ; то самая вѣрная теорія душевыхъ явлій не можетъ опредѣлить особенностей въ отличій, съ какими они обнаружатся въ этой частной душѣ при извѣстныхъ обстоя-

тельствахъ. Какъ мы уже сказали, человѣкъ не есть такой экземпляръ рода, въ которомъ только повторялось бы общее содержаніе другихъ экземпляровъ. Онъ, и въ этомъ отношеніи онъ одинъ въ извѣстномъ намъ мірѣ, есть особь, или, какъ говорятьъ, индивидуумъ. Такимъ особыннымъ, не исчезающимъ въ родѣ существомъ знаетъ себя человѣкъ въ непосредственномъ самосознаніи, которое поэтому открываетъ ему не душу вообще, не всякую душу, а эту особенную, съ особынными настроеніями, стремленіями и помыслами: общая же теорія душевной жизни получается, какъ и всякая теорія, посредствомъ сравненій, обобщеній и отвлечений отъ частныхъ опытовъ. Отсюда мы можемъ заключить, что, хотя бы въ исторіи природы все было подчинено строгому механизму, не позволяющему изъятія,— въ исторіи человѣчества возможны факты, событія и явленія, которыхъ будуть свидѣтельствовать о себѣ своимъ простымъ существованіемъ, и возможности которыхъ нельзя ни допускать, ни отрицать на основаніи общихъ законовъ, позвѣстныхъ намъ изъ науки о душѣ. Когда наука выяснить себѣ настоящее значеніе и предѣлы этого положенія, тогда, можетъ быть, она сумѣеть поставить себя въ правильное отношеніе къ божественному откровенію. Доселѣ она разсуждала почти такимъ образомъ. Извѣстное историческое событіе, судя по сильнымъ свидѣтельствамъ, должно было быть признано дѣйствительнымъ, но явленіе его противорѣчить общимъ законамъ, по которымъ изъясняемъ мы душевную жизнь всякаго человѣка; слѣдовательно неѣть основанія принимать его за дѣйствительность. Мы

противопоставляемъ этому разсужденію слѣдующій порядокъ мыслей. Въ сердцѣ человѣка заключается источникъ для такихъ явлений, которыя запечатлѣны особенностями, не вытекающими ни изъ какого общаго понятія или закона. По общимъ законамъ душевной жизни мы можемъ обсуживать только ежедневныя, обыкновенныя, установленные обычнымъ теченіемъ вещей, явленія человѣческаго духа, потому что эти законы сняты или отвлечены отъ этихъ одинаковыхъ или однообразныхъ явлений. Поэтому тамъ, где мы встрѣчаемъ явленія, выступающія изъ этого обыкновенного ряда, мы должны изслѣдовать первѣе всего ихъ простую дѣйствительность, не заслоняя ее общими законами: потому что еще никто не доказалъ, чтобы душа повиновалась этимъ общимъ законамъ съ механическою необходиностью, какъ мертвая и недѣятельная масса. Притомъ, если нельзя допустить, чтобы здѣсь, какъ въ области физики, дѣйствія и противодѣйствія были равны; то съ другой стороны необыкновенныя события, какъ доказываютъ опыты, всегда происходили среди какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ. Съ нашей точки зрѣнія весь остаточной міръ представляется намъ, какъ рѣка, которой широту и глубину легко измѣрять по общимъ правиламъ: но плывя вверхъ по этой рѣкѣ вы, можетъ быть, неожиданно встрѣтѣете такой водоворотъ, такое быстрое и занутанное движеніе волнъ, то раскидающихся въ широту, то низвергающихся въ глубину, что общія правила измѣренія могутъ быть прилагаемы здѣсь очень не точно. Можетъ быть подобная аналогія руководила мыслю того великаго психо-

лога, который сказалъ: «источникъ природы въ сердцѣ человѣка»; потому что и въ самомъ дѣлѣ мы здѣсь стоимъ у истоковъ, которыхъ направление внутрь и въ глубину неизвѣстно для нась: явленія могутъ быть замѣчаемы здѣсь только послѣ того, какъ они возникли, а изъ какой опредѣленной глубины, въ какомъ направлениі и порядкѣ, и въ какихъ особенныхъ видоизмѣненіяхъ возникнутъ они, этого нельзѧ опредѣлить ни по какимъ общимъ законамъ.

2. Положимъ, что всѣ наблюдалемыя нами событія будутъ по своей сущности таковы, что мы можемъ какъ бы становиться за ними и подсматривать тѣ причины, которыя произвели ихъ; потомъ также можемъ поставить себя за этими причинама и наблюдать условія и причины, произведенія ихъ,—и такъ при всякомъ наблюдалемомъ случаѣ. Дѣйствительно материальныя вещи обладаютъ этимъ подлиннымъ и рѣшительнымъ качествомъ конечнаго. Но очевидно, что, если бы все существующее имѣло такую произволную и слагаемую изъ стороннихъ причинъ сущность; то человѣку не пришло бы и на мысль говорить о причинѣ безусловной. Если однако же человѣчество единогласно заканчиваетъ всѣ свои изѣясненія въ религіозной вѣрѣ, если оно умѣеть концы или начала всѣхъ видовъ жизни, знанія и дѣятельности сводить къ Богу; то это религіозное сознаніе наиболѣе оправдывается ватурою человѣческаго сердца, за которую мы уже не можемъ стать, чтобы подсматривать еще другія, слагающія ее причины, и которая поэтому обладаетъ всею непосредственностью бытія, положеннаго Богомъ: и на оборотъ,

новѣйшій рационализмъ, признающій религіозное сознавіе человѣчества чѣмъ-то не существеннымъ, или даже обольщениемъ невѣжественаго ума, находитъ соптвѣтствующій основанія въ ученіи о душѣ, какъ такой, хотя бы то и духовной,—сущности, которую все еще можно изъяснять изъ другихъ, составляющихъ ее дѣятелей. Употребляя не точный образъ, можно сказать, что въ сердцѣ мы имѣемъ такие истоки водъ, которые не могутъ въ свою очередь образоваться изъ совокупленія мелкихъ и отдельныхъ ручьевъ, но могутъ происходить только и единственно изъ общаго и безграничного океана водъ. Откровеніе выражаетъ эту мысль съ глубочайшею истинною, когда говоритъ, что Богъ непосредственно или самолично вдуналъ въ человѣка дыханіе жизнѣ (Быт. 2, 7). Положеніе блаженнаго Августина, что душа человѣка, откуда-бы тамъ ни происходила она, есть отъ Бога, известно и общему чувству человѣчества, которое во всякомъ случаѣ не хочетъ видѣть между душою человѣка и Богомъ союза, условленнаго рядомъ постороннихъ, чуждыхъ для души и виновныхъ членовъ и которое такъ охотно рассматриваетъ этотъ союзъ, какъ что-то близкое и непосредственное: здѣсь, въ этой надеждѣ человѣчества — быть въ живомъ союзѣ съ Богомъ, ложить естественное предрасположеніе къ молитвѣ, къ вѣрѣ. Основа религіознаго сознанія человѣческаго рода заключается въ сердцѣ человѣка: религія не есть нѣчто постороннее для его духовной природы; она утверждается на естественной почвѣ. Справедливо, что откровеніе сообщаетъ человѣку истины, недоступныя для его разума: но также

справедливо, что человѣкъ не есть животное, только научаемое Богомъ; сама душа носить въ себѣ зачатки и предрасположенія къ этому необыкновенному наученію. Что впрочемъ этихъ зачаткѣвъ и предрасположеній мы не можемъ найти въ области представлений и понятій, что они открываются намъ, какъ нечто не поддающееся описанію и опредѣленію, какъ видинное чувство безконечнаго, только въ сердцѣ,—это можно допустить уже безъ всякаго доказательства. И если блаженный Августинъ, изслѣдывая различныя основанія вѣры, сказалъ наконецъ: *nemo credit nisi volens*; то источникъ вѣры обозначенъ въ этихъ словахъ съ безспорною истиной, потому что хотѣніе и воля опредѣляются непосредственно влечениями и потребностями сердца или, какъ выражаются философы, его стремленіями къ безусловному благу. «Трудно тебѣ итти противъ рожна», говорилъ Іисусъ Христосъ одному изъ своихъ ожесточенныхъ противниковъ (Дѣян. 9, 5). Не болѣе и не другое что нужно отвѣтить въ существѣ дѣла и всѣмъ противникамъ религіи и откровенія: потому что они идутъ противъ настоятельнѣйшихъ и существеннѣйшихъ побужденій своего сердца. А чтобы сердца человѣческія мечтали о лѣчшемъ мірѣ и лучшемъ порядкѣ вещей вслѣдствіе какой-то роковой и *универсальной ошибки*, эта мысль не можетъ быть открыто высказана самыми усердными почитателями матеріи и ея механическихъ законовъ.

3. Впрочемъ мы не отрицаемъ, что религія, утверждаясь главнымъ образомъ въ сердцѣ человѣка, находить болѣе или менѣе твердые опоры, и на другихъ

пунктахъ міра. Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ зна-
ченіе сердца въ области человѣческой дѣятельности;
потому что мы различно судимъ о человѣческихъ по-
ступкахъ, смотря потому, опредѣляются ли они внѣш-
ними обстоятельствами и соотвѣтствующими соображен-
іями, или же возникаютъ изъ непосредственныхъ и
свободныхъ движеній сердца. Только послѣднимъ, по
настоящему, мы можемъ приписать нравственное до-
стоинство, тогда какъ первые имѣютъ въ большей или
меньшей мѣрѣ характеръ физическихъ дѣйствій. Хри-
стіанское откровеніе говорить намъ, что любовь есть
источникъ всѣхъ истинно и неподдѣльно нравствен-
ныхъ поступковъ. Какъ это ученіе о коренномъ нрав-
ственномъ явленіи, изъ котораго, какъ изъ источника,
возникаютъ всѣ другія нравственные явленія, стоять
въ ясной причинной связи съ библейскимъ ученіемъ
о сердцѣ: то мы надѣемся, что и оно въ свою очередь
можетъ быть оправдано изъ началь нравственной фило-
софіи такъ точно, какъ ученіе о сердцѣ нашло добрыя
основанія въ психології.

«Мы призваны дѣлать добро свободно». Это общее
и неопределеннное начало, съ которымъ уже поэтому
можетъ согласиться всякая научная теорія нравствен-
ности, получаетъ сразу свой определенный смыслъ,
когда мы спросимъ: почему добро не представляется
сознанію даже дикаря, какъ работа поденщика, за
которую можно взяться только по неволѣ, несвободно,
по нуждѣ и въ разсчетѣ на плату? Что за охота по-
ступать человѣку справедливо тамъ, где онъ не имѣть
въ виду ни сторонняго зрителя, который бы цѣнилъ

его, на личной пользы, которая награждала бы его за дѣла сораведливости? Сердце человѣка любить добро и влечется къ нему, какъ глазъ любить созерцать прекрасную картину и охотно останавливается на ней. Этимъ не отрицается, что, какъ глазъ грубаго человѣка не можетъ оцѣнить изящнаго образа, такъ сердце можетъ охладѣть къ добру и погасить въ себѣ свои лучшія стремленія. Но уже древніе говорили объ огнѣ Прометеевомъ, который, какъ похищенный съ неба, возжигалъ въ сердцѣ человѣка не земныя, не эгоистическія а нравственныя стремленія. Многіе психологи говорили, что сердце человѣка находится подъ непрестанными вліяніями и какъ-бы впечатлѣніями высшаго міра и высшаго порядка вещей. Определено и съ полнотою истиной открываетъ намъ слово Божіе это метафизическое начало любви сердца къ добру, какъ основнаго нравственнаго акта, когда оно учитъ, что человѣкъ созданъ по образу Божію. Какъ всякая дѣятельность въ мірѣ условливается опредѣленною натурою вещи, такъ и богоподобной натурѣ человѣческаго духа свойственны дѣла богоподобныя. *Богъ любы есть* (1 Іоанн. 4, 16); Богъ возлюбилъ насъ *первѣ* (ст. 19), и этимъ вліяніемъ любви,—даровавшей намъ существованіе въ необыкновенной формѣ духа богоподобнаго и потому не подходящаго подъ общее понятіе твари,—содѣжалъ нашъ духъ способнымъ не къ простому физическому или тварному возрастанію и укрѣплению въ силахъ, но и къ свободному подвигу правды и любви и къ торжеству надъ тварными влеченіями чувственности и самолюбія: въ этомъ лежитъ послѣднєе условіе

нравственной свободы человека. Справедливо, что факты говорятъ большую частію противъ этой нравственной свободы, какъ и противъ свободной любви человека къ добру: люди, естественно стремящіеся къ само-сохраненію, скорѣе въ чаше всего дѣйствуютъ по побужденіямъ самолюбія и имаютъ въ виду свои личные интересы, свои личныя выгоды, которыми не хотять жертвовать для высшихъ цѣлей. Поэтому многіе, даже добросовѣстные, наблюдатели человѣческаго сердца приходили къ печальной мысли, что вся нравственность человѣческая есть въ существѣ своемъ утонченный и образованный эгоизмъ, и такимъ образомъ отвергали самую возможность нравственныхъ поступковъ и весь нравственный порядокъ въ мірѣ. Но откровеніе знаетъ объ этихъ фактахъ, объ этой радикальной порчи человѣческаго сердца. Потому-то Иисусъ Христосъ и даетъ человѣчеству новую заповѣдь любви, потому-то и необходимо обновленіе человека, если онъ долженъ быть въ силахъ исполнять эту новую заповѣдь. Впрочемъ, здесь мы встречаемся съ такимъ пунктомъ христіанскаго учевія о необходимости благодати для человѣческой свободы и нравственности, который надолго еще останется непонятнымъ для современной рационалистической науки.

Нравственные поступки возможны для человека, потому что онъ свободенъ. Эта свобода обнаруживается въ явленіяхъ души самоопредѣлеваемъ ея къ дѣятельности. На примѣрь, дѣла правды можетъ человекъ совершать и по необходимости; въ такомъ случаѣ они имаютъ значеніе только юридическое, а не нравствен-

ное. Представьте теперь, что тъ же самая дѣла правды этотъ человѣкъ совершаетъ свободно, охотно, изъ любви илі отъ сердца, по усердію; тогда эти дѣла, какъ истекающія изъ любви, изъ сердца, получать высокую нравственную цѣну. Вы говорите объ этомъ человѣкѣ: «онъ дѣлаетъ добро не по принужденію, не по расчету, не по приказанію, а свободно или охотно, по любви къ добру: итакъ на его нравственный характеръ всегда можно положиться; его образъ дѣятельности есть безкорыстный и чистый; онъ не обманетъ васъ, если вы были бы неосторожны, не похитите вашихъ правъ, если вы были бы слабы. Онъ не боится предстать съ тайными движеніями своего сердца предъ лицемъ всевѣдущаго Бога: онъ чистая и нравственная личность». Такъ мы судимъ ежедневно о людяхъ, не слушаясь науки, говорящей часто о какихъ-то другихъ источникахъ нравственности. Подобнымъ же образомъ легко наблюдать, что человѣкъ, окончательно заключенный въ свои личные интересы и дѣйствующій только по влечению самолюбія, тѣмъ не менѣе всячески скрываетъ отъ взоровъ зрителей эти дѣйствительныя побужденія, какъ нѣчто недостойное. Кто изъ насъ въ жизни не притворялся и не принималъ на себя роли человѣка, поступающаго по чувствамъ великодушія, по свободной привязанности сердца къ добру? Кто изъ васъ не замѣчалъ, какъ иногда мы невольно, инстинктивно закрываемъ свои эгоистические расчеты видимостью любви, жертвующей, совершающей добро ради самаго добра? Такъ во всемъ человѣчествѣ господствуетъ убѣжденіе, что нравственное достоинство поступка опредѣляется

единственно степенью свободной любви сердца къ добру, ради котораго онъ совершается: а все остальное, чѣмъ условливается еще сверхъ этого таковыи поступокъ, какъ то: искусство или умѣнье, предполагающе зре́лость и опытность,—глубокое и вѣрное соображеніе, доказывающее развитой умъ—все это цѣнится въ поступкѣ, какъ физическая сила духа, которая, безъ благо-
дати любви, способна воплощаться въ самыхъ недо-
стойныхъ дѣйствіяхъ. Спросите наконецъ злодѣя, по-
чему онъ попираетъ священные законы справедливости,
почему онъ не уважаетъ собственности, свободы и лич-
ности ближнихъ? Вѣроятно онъ будетъ отвѣтить вамъ
извѣстнымъ софистическимъ положеніемъ, что законы
справедливости произошли отъ человѣческаго произвола,
что они имѣютъ значение условное или договорное, что
люди для сохраненія собственныхъ же выгодъ, для
удобиѣйшаго достижения своихъ эгоистическихъ цѣлей
изобрѣли эти законы, какъ изобрѣли они пароходы,
желѣзныя дороги, телеграфы, книгопечатаніе и т. д.
Что означаютъ эти выраженія, которыя съ разными
измѣненіями повторяются на всѣхъ углахъ земного шара
людьми нравственно-испорченными и которыми на-
спровергается нравственность въ ея послѣднемъ основа-
ніи? Представленный злодѣй хочетъ сказать: «законы
справедливости суть изобрѣтеніе человѣческаго разума,
который, соображая вѣшнія обстоятельства и человѣ-
ческія нужды, постановилъ эти правила касательно соб-
ственности, свободы и личности: слѣдовательно эти
законы существуютъ только для разума, а сердце не
заинтересовано въ нихъ; какъ оно не обязываетъ меня

внутренно пользоваться другими изобрѣтеніями этого разума, такъ оно не знаетъ никакого внутренняго и свободнаго требованія уважать эти законы помимо всякихъ соображеній выгоды и своекорыстія».

А между тѣмъ, и это странно—въ настоящее время такъ часто отождествляютъ разумность поступка и его нравственное достоинство, такъ безусловно смѣшиваютъ эти два понятія *разумный и нравственно-добрый*, что христіанское ученіе о любви, объ этомъ охотномъ и усердномъ стремленіи къ дѣланію добра почти не имѣетъ мѣста въ нашихъ нравоучительныхъ системахъ. Каждый день мы удостовѣряемся, что поступокъ, самый недостойный, злодѣяніе, самое оскорбительное для человѣчества, можетъ быть совершено очень умно, по самому основательному и расчетливому плану и по самымъ глубокимъ соображеніямъ. и тѣмъ не менѣе правило: «поступай разумно» принимается въ большинствѣ, какъ источникъ чистѣйшей нравственности. Что означаетъ это? Мы не будемъ искать причинъ, почему эти разнородныя понятія смѣшиваются, а только скажемъ, что въ этомъ мнимо-нравственномъ началѣ выражается вся односторонность современного образования. Какъ мы умѣемъ быть умными безъ убѣжденія, такъ хотимъ мы быть нравственными безъ подвига: дѣйствительно, то и другое происходитъ по мѣрѣ того, какъ мы основныя начала духовной жизни переносимъ изъ глубины сердца въ свѣтлую область спокойнаго, безстрастнаго и безучастнаго разума. Поступокъ, совершенный по самымъ точнымъ математически вѣрнымъ соображеніямъ разума, доставляетъ то холодное до-

вольство, которое хочет стоять на срединѣ между чистымъ нравственнымъ подвигомъ и грубостью чувственныхъ оргій. На это нейтральное состояніе, когда человѣкъ *ни студенъ ни теплъ*, когда онъ имѣеть *имя, яко живъ, а мертвъ есть* (Апок. З, 1. 15), когда онъ обходится безъ жертвъ въ пользу добра, но съ другой стороны не поддается съ полнымъ бездушіемъ страстямъ, порокамъ и открытымъ злодѣйствамъ—на это состояніе многіе готовы смотрѣть нынѣ, какъ на нравственный идеалъ; и отсюда понятно, отчего слышатся нынѣ жалобы, что христіанское нравоученіе требуетъ отъ человѣка слишкомъ много жертвъ и подвиговъ.

Не давно некоторые ученые предлагали намъ правило: «уважай себя, или свою личность» І думали въ этомъ правилѣ открыть начало нравственно добрыхъ поступковъ человѣка. Намъ кажется, что изъ этого правила такъ же могутъ происходить, или не происходить нравственные поступки, какъ и изъ правилъ, аналитически вытекающихъ изъ него, каковы: *корми себя, сохраняй, согрѣвай, поддерживай свое тѣло, выражай свою память, развивай свой умъ, свои музыкальные таланты и т. д.* Мы не хотимъ сказать, чтобы это правило »уважай себя« противорѣчило нравственному назначенію человѣка; но мы думаемъ, что оно можетъ получить нравственный смыслъ только послѣ того, какъ мы уже дѣствуемъ въ живемъ сообразно съ этимъ назначеніемъ. Такъ, на примѣръ, если вы имѣете *метафизическую идею*, которая открываетъ вамъ, что поддерживать жизнь нужно не для того одного, чтобы жить,—или развивать память, умъ и способности эсте-

тическія не для того одного, чтобы изъ этихъ совер-
шенствъ, какъ изъ нажитаго капитала, получать вло-
съѣствіи барыші покоя и удовольствія: то ваше само-
уваженіе, даже ваша ежедневная забота о тѣлѣ и его
здравьѣ получать относительное достоинство въ си-
стемѣ нравственно-добрыхъ поступковъ. А безъ этого,
напередъ даннаго нравственнаго начала ваше само-
уваженіе можетъ имѣть такую же нравственную цѣну,
какъ и стремлениe всякаго животнаго къ самоподдер-
жанію: не станутъ же люди видѣть въ васъ нравственно-
добрую личность за одно то, что вы заботитесь о
здравьѣ и красотѣ тѣла, о развитіи талантovъ остро-
умія, вѣрнаго соображенія и т. д. Вы можете говорить
языками человѣческими и ангельскими, можете вѣдать
тайны всія и весь разумъ, можете обладать такою силою
и несокрушимостью характера, что не задумаетесь, вслу-
чавъ потребуетъ этого ваша честь или вашъ другой
интерес—прелатъ тѣло свое, во еже сожеши е (1 Кор.
13, 12),—и все же, при этомъ необыкновенномъ раз-
витіи личности, не имѣть еще нравственнаго до-
стоинства.

Безспорное научное значеніе имѣетъ принятое
въ нравственной философіи понятіе нравственного закона
и ученіе о долгѣ или обязанности исполнять его. Какъ
совѣсть, такъ и всѣ религіи рассматриваютъ нравст-
венные поступки, какъ предписанные высшимъ законо-
дательствомъ, и потому совершение ихъ признаются
долгомъ и обязанностью. Такъ и въ откровеніи дѣла
правды и любви называются заповѣдями или повелѣ-
ніями Бога. Такъ Иисусъ Христосъ далъ человѣчеству

новую заповѣдь. Вообще человѣчество вѣруетъ, что совершеніе всякаго доброго поступка есть исполненіе воли Божіей или что въ этомъ случаѣ наша воля со-гласна съ волею Бoga. Но съ этимъ совершенно-истин-нымъ ученіемъ соединяется въ философіи ничѣмъ не-оправданное предположеніе, будто начальный источ-никъ нравственнаго законодательства есть разумъ. Выше мы уже говорили о мнимомъ самозаконѣ ума и о мнимомъ единстве поступковъ разумныхъ и нравст-венно-добрыхъ. Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ нравст-венной философіи, то для изъясненія нашей мысли и устраненія ведоразумній сдѣлаемъ еще слѣдующія замѣчанія.

а) Законъ, по которому совершаются нравственная дѣятельность, не есть уже поэтому *причина* этой дѣя-тельности, какъ, на примѣръ, законъ паденія тѣла не есть причина ихъ паденія. Итакъ съ рационалистиче-ской точки зрѣнія на всегда останется неизъяснимымъ, откуда, изъ какого источника истекаютъ тѣ дѣла, кото-рыя оказываются сообразными съ нравственнымъ зако-номъ, какъ съ предписаніемъ разума. Всякое нрав-ственное предписаніе разума, всякое наставленіе разума о томъ, что я *долженъ* дѣлать, открываетъ мнѣ пер-спективу дѣлъ только еще ожидаемыхъ, пока еще не осуществленныхъ: а могу ли я совершить эти дѣла, имѣю ли я нравственные силы, какъ источники этихъ дѣлъ—это совершенно другой вопросъ, о которомъ нравственное законодательство разума ничего не ска-жетъ. Точно умъ можетъ предписывать, повелѣвать и

скажемъ такъ — командовать, но только тогда, когда онъ имѣеть предъ собою не мертвый трупъ, а живаго и воодушевленнаго человѣка, и когда его предписанія и повелѣнія сняты съ натуры этого человѣка, а не называются ей, какъ что-то чуждое, не сродное: потому что ни одно существо на свѣтѣ не приходитъ къ законообразной дѣятельности изъ побужденій, постороннихъ для него. Наша русская пословица говоритъ: умъ есть царь въ головѣ, и говорить совершенно справедливо, если понять ея смыслъ настоящимъ образомъ: потому что царь не полагаетъ отъ себя народной жизни *сначала*, съ ея языкомъ, религіей и особенномъ геніемъ; его законодательство священно для народа, какъ выражение его внутреннихъ потребностей, какъ образъ его духа. Умъ есть способность понятій, мыслей, правилъ, началъ и законовъ: но все это, какъ общее, онъ образуетъ изъ частныхъ случаевъ и изъ частныхъ дѣятельностей, все равно, въ области ли физической или нравственной. Намъ врождены не правила, не мысли о нравственной дѣятельности, но самыя влеченія и стремленія къ ней. Разумъ, созиавая нравственные дѣятельности, сравнивая ихъ, обобщая, поставляетъ общіе нравственные законы о томъ, что человѣкъ долженъ дѣлать, общія нравственные правила и предписанія и общія идеи, въ которыхъ мы сознаемъ существующій нравственный порядокъ въ мірѣ и человѣкѣ. Понятно, какъ необходимы и дороги для насъ эти общія идеи: онъ даютъ возможность, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и въ отношеніи нравственному поступать по опредѣленному, ясно сознанному плану, по

лено сознаннымъ началамъ съ спокойнымъ обозрѣніемъ дѣлъ и средствъ и всей среды нашей нравственной дѣятельности: они открываютъ нашему сознанію нравственную область даже и тогда, когда въ нашемъ сердцѣ изсякъ источникъ нравственности и когда поэтому мы бываемъ не въ силахъ вступить въ эту область, несмотря на то, что имѣемъ самыя свѣтлыя идеи обѣйней. Опредѣлительно говорить апостолъ Павелъ обѣ этомъ ясномъ сознаніи нравственного закона, или закона ума, и вмѣстѣ обѣ отсутствіи дѣйствительного источника нравственности, въ посланіи къ Римлянамъ 7, 14—23. Умъ, какъ говорили древніе, есть *правительственная* или *владычественная* часть души, и мистицизмъ, который погружается въ непосредственный влеченія сердца, не переводя ихъ въ отвлеченные, спокойные и твердыя идеи или начала ума, противорѣчить свойствамъ человѣческаго духа. Но правительственная и владычественная сила не есть сила рождающая; она есть правило, простирающееся на такое содержаніе нравственного міра, которое рождается изъ глубочайшаго существа духа и въ своемъ непосредственномъ видѣ или въ первомъ и основномъ явленіи есть любовь къ добру. Бываютъ для человѣка времена такъ называемаго *искушенія*, когда внѣшнія обстоятельства своими неожиданными и не-предвидѣмыми сплетеніями сбиваются всѣ соображенія, всѣ расчеты и правила разума; тогда, въ эти критическія минуты, человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ предоставляетъ водительству своего сердца, и здѣсь-то собственно лежитъ пробный камень для его нравственнаго характера: или онъ выступитъ во всемъ благородствѣ

своего настроения, съ доблестями нравственного геройства, ила же разоблачить предъ нами все недостоинство своей личности, которое до этой минуты закрывалось для насть въ поведеніи благоразумномъ, управляемомъ разсчитывающимъ и осторожнымъ разумомъ. Выразимъ окончательно нашу мысль о значеніи началь въ общихъ правилахъ разума въ области нравственной посредствомъ евангельского образа, который по своей точности всегда будетъ возбуждать удивленіе въ беспристрастномъ наблюдателѣ: для живой—а не только представляемой—нравственной дѣятельности требуется свѣтильникъ и елей (Мате. 25, 1—10). По мѣрѣ того, какъ въ сердцѣ человѣка изсякаетъ елей любви, свѣтильникъ гаснетъ: нравственные начала и идеи потемняются и наконецъ исчезаютъ изъ сознанія. Это отношение между свѣтильникомъ и елеемъ,—между головою и сердцемъ—есть самое обыкновенное явленіе въ нравственной исторіи человѣчества. Итакъ это двойство между нравственнымъ законодательствомъ, въ формѣ котораго мы представляемъ себѣ наши нравственные поступки, и источникомъ нравственной дѣятельности примиряется съ библейской точки зренія. Точно нравственность есть заповѣдь, есть законъ: но какъ о благодатномъ законѣ сказано, что онъ будетъ написанъ на сердцахъ обновленныхъ людей, такъ и люди, предоставленные самимъ себѣ, являются *дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ* (Іер. 31, 31. Рим. 2, 15).

б) Когда совѣсть упрекаетъ человѣка въ несправедливости или жестокости, она не говорить ему: «ты

сдѣлалъ своимъ законодательнымъ разумомъ ошибку, ты руководствовался въ дѣятельности неправильными понятіями и неточными соображеніями», — также не говорить ему: «ты не послушался предписаній своего разума». Всѣ эти упреки, которые мы такъ часто дѣлаемъ другимъ и принимаемъ отъ другихъ съ полнымъ равнодушіемъ, какъ упреки за ошибку въ математическомъ счислениі, слишкомъ легки и слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ грознымъ и потрясающимъ словомъ, которое совсѣмъ говорить преступнику: «ты сдѣлалъ неправду, ты сдѣлалъ зло: что ты сдѣлалъ, недостойный своего имени человѣкъ, посмотри теперь на себя, каковъ ты и каковы плоды твоего злого сердца! Здѣсь мы слышимъ совсѣмъ другіе тоны, которые понятны только для сердца, а не для безучастно-сопротивляющаго разума.

с) Откровеніе даетъ намъ заповѣдь: *возлюбили искреннія твоего яко самъ себе* (Мате. 22, 39), и далѣе: *больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоанн. 15, 13). Ближняго мы должны любить, какъ любимъ самихъ себя. Христіанинъ долженъ признавать въ ближнемъ самого себя и принимать участіе въ его несчастіяхъ и страданіяхъ съ тою внутренностію, съ какою онъ испытываетъ эти несчастія и страданія въ себѣ самомъ. Понятно, какая душевная способность можетъ переносить насъ въ это энергическое состояніе чистой и дѣйствительной любви. Посему справедливо сказать, что во всякомъ дѣйствіи любви христіанинъ полагаетъ *душу свою за други своя*: нужды ближняго, страданія и несчастія падаютъ на

любящее сердце съ такою тяжестью, какъ если бы они касались непосредственно его самаго, а не чужаго сердца. Конечно, такъ кипитъ эта жизнь въ своемъ источнике; а съ дальнѣйшимъ движенiemъ въ міръ явленій она принимаетъ опредѣленныя формы, каковы: справедливость, честность, свободная вѣрность слову и договору, великодушіе и благородство, рѣшимость на пожертвованія, предпочтеніе блага общаго счастью личному и т. под.

Мы слишкомъ распространились о христіанскомъ началѣ нравственности, во первыхъ потому, что оно связано тѣсно съ библейскимъ учениемъ о сердцѣ, а во вторыхъ потому, что нужды современной практической философіи слишкомъ велики, и мы думаемъ, что ей необходимо выяснить духъ и характеръ христіанского нравоученія. Если въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы хотѣли обозначить только главное начало христіанского нравоученія, то за то въ первомъ отношеніи мы пришли къ выводамъ, которые кажутся, по крайней мѣрѣ для насъ, значительными. Библейское учение о сердцѣ, какъ средоточіе всей душевной и духовной жизни, не стоитъ одиноко и отдельно среди всего остального ученія. Мы хотѣли показать, какіе великіе практическіе интересы духа человѣческаго и христіанскаго соединяются съ нимъ: такъ что, если бы, по ограниченности нашихъ научныхъ средствъ, оно и не оправдывалось пока научнымъ образомъ, то все же мы не можемъ обходить его съ равнодушіемъ, если только для насъ дорога религіозная и нравственная жизнь человѣчества. Мы высказали надежду, что съ этой точки зренія можетъ быть указано правильное,

гармоническое отношение между знанием и вѣрою; да же, могутъ быть указаны глубочайшія основанія религіознаго сознавія человѣчества, наконецъ и въ особенности, что христіанское правоученіе только съ этой точки зрењія можетъ быть понятно въ его глубочайшемъ духѣ и безмѣрномъ достоинствѣ. Если бы кто, имѣющій больше силъ и опытности, разсмотрѣлъ еще, какъ, сообразно съ библейскимъ ученіемъ о сердцѣ, должно понимать задачу или цѣль воспитанія; то мы получили бы значительный кругъ практическихъ началь, которыя сближали бы область вѣры съ областью науки: потому, что господствующее нынѣ раздѣленіе между вѣрою и знаниемъ, какъ требованіе знать такъ, а вѣрять иначе, кажется невыносимымъ для людей самыхъ разнородныхъ убѣждений. Служеніе наукѣ не есть служеніе маммонѣ, съ которымъ было бы несообразно служеніе Богу: это чувствуютъ нынѣ, хотя касательно средствъ къ достижению примиренія между наукой и вѣрою еще не многіе имѣютъ опредѣленное убѣженіе. Въ настоящей статьѣ мы руководствовались мыслю, что одно изъ таковыхъ средствъ заключается въ тщательномъ и беспристрастномъ изученіи Библіи во всѣхъ ея подробностяхъ, во всѣхъ, по видимому, самыхъ незначительныхъ понятіяхъ. «Возьми и читай»—говорилъ невѣдомый голосъ Августину, который терялся среди сомнѣній и противорѣчій своего широкаго знанія.